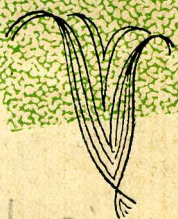

511

В. Б. КЛЯШТОРИНА

СОВРЕМЕННАЯ
ПЕРСИДСКАЯ
ПОЭЗИЯ

Contemporary
Persian Poetry
Moscow 1962

Vera KelashTORINA

p. 32 to 46
about Jalal

ЖАЛЕ

Среди современных прогрессивных поэтов, тесно связавших жизнь и творчество с национально-освободительной борьбой Ирана, наряду с Афраште и Табари видное место принадлежит Жале. Творческий рост поэтессы самым тесным образом связан с борьбой народа Ирана за свою независимость, с деятельностью Народной партии, возглавившей эту борьбу.

Жале родилась в 1922 г. в Исфагане в семье мелкоземлевладельца, имевшего небольшое имение в окрестностях города. Детство Жале, несмотря на материальное благополучие семьи, прошло в тяжелой обстановке. Отец, деспотичный человек, не хотел, чтобы дочь училась. Из-за этого в семье постоянно происходили ссоры. Но мать неизменно поддерживала Жале, утешала и помогала ей. Благодаря матери Жале удалось закончить единственное среднее учебное заведение Исфагана — английский колледж. После окончания колледжа Жале, несмотря на запрещение отца, поступает на службу в исфаганское отделение Иранского национального банка. Работа в банке, связанная с разъездами по стране, была для Жале первой школой жизни. Поэтесса писала впоследствии об этом периоде: «Я смогла побывать во многих городах, знакомилась с писателями, поэтами, со множеством людей в разных уголках страны». Первое стихотворение Жале появилось в 1937 г. в исфаганской газете «Ахгяр». В 1944 г. вышел в свет первый сборник Жале — «Голхайе ходру» («Дикие цветы») ¹, содержащий главным образом лирические газели. Вскоре были опубликованы и другие произведения — стихотворения «Сиротка» («Кудаже ятим»), «Послание к заключенным офицерам» («Пейам бе афсеране зендан»). В 1945 г. Жале переехала в Тегеран, а затем

¹ «Голхайе ходру», Тегеран, 1944.

в Тебриз, где она работала в женской прогрессивной организации и печаталась в демократической прессе. В 1946 г. Жале принимала участие в работе I конгресса иранских писателей². В Тебризе Жале читала курс персидской литературы в военной школе, регулярно выступала со своими стихами по радио.

Когда в конце 1946 г. в Иранском Азербайджане началось наступление реакции, Жале вынуждена была покинуть Тебриз и эмигрировать в Советский Союз. В Бакинском государственном университете Жале завершает высшее образование, затем уже в Московском университете она занимается научной работой — исследованием современной персидской литературы³.

В 1950 г. в Баку в переводах на азербайджанский язык вышел первый в СССР сборник стихотворений Жале — «Ядгар» («Подарок»); через несколько лет, в 1956 г., в Душанбе был издан второй ее сборник — «Модарон сулх мехоханд» («Матери хотят мира»). Многие стихотворения Жале публикуются в коллективных сборниках стихов⁴, в литературных журналах Москвы, Душанбе и Ташкента⁵. В 1960 г. в Москве выходит книга стихов поэтессы в переводах на русский язык⁶.

О раннем творчестве Жале мы можем судить по первому сборнику «Голхайе ходру», куда вошли юношеские стихотворения, а также стихи, написанные поэтессой в 1941—1944 гг. Здесь больше всего лирических миниатюр — безмятежных картинок природы, например «Снег» («Барф»), «У берега реки» («Кенаре дарья»), и газелей, пронизанных смутными ожиданиями счастья:

О, как горько проходит жизнь,
Как несчастна и полна смятения моя молодость.
На пороге юности я попала в клетку,
Прошла моя пора радости и веселья...⁷

(«Моя жизнь»)

² См. «Нохостин конгрейе нависандегане Иран», Тегеран, 1946, стр. 187—189.

³ Жале принадлежит большое исследование «Малек-ош-Шоара Бахар. Жизнь и творчество», за которое в 1959 г. ей была присуждена степень кандидата филологических наук.

⁴ «Поэты Южного Азербайджана», Баку, 1950, стр. 137—143.

⁵ См., например, «Шарки сурх», 1958, № 6.

⁶ Жале, *Стихи*, М., 1960.

⁷ «Голхайе ходру», стр. 50.

Несколько стихотворений, проникнутых любовью и скорбью, посвящает поэтесса памяти матери⁸. Характерным для этого цикла является «Сиротка» — стихотворение о страданиях одинокого, покинутого человека:

Я плачущее и скорбящее дитя,
Бездомное, безродное, попавшее в беду,
Опечаленное, несчастное и голодное.
Судьба взвалила тяжелый груз на мои плечи,
Как жаль, что я сирота и мне так мало лет,
Сердце мое высохло, судьба моя разбита⁹.

Среди ранних стихотворений Жале были уже такие, которые свидетельствовали, что не только мир камерных переживаний и созерцание природы поглощают поэтессу. В стихотворениях «Счастье женщины» («Саадате зан») и «Гордость просвещенной женщины» («Эфтехаре зане дана») несомненен интерес поэтессы к общественной жизни, к злободневной в те годы проблеме прав женщины в обществе. Жале приветствует своих подруг, отказавшихся носить чадру, выступает горячей поборницей просвещения и раскрепощения женщин.

Гордость образованной женщины —
че злото и украшения.
Позор пусть падет на ту, которая
не занимается науками.
Собирай знания и плоды наук вместо золота и серебра,
Ибо обладающий знаниями не может быть
рабом золота и серебра.
Невежество и необразованность женщины —
причина ее несчастий¹⁰.

Этот призыв к просвещению и подлинным знаниям заканчивается печальным заключением автора:

Но что делать, если в этой стране нет просвещения?

Жале, пролей влагу слез надежды на пламень сердца,
Ибо нет у тебя другого средства, кроме очей,
наполненных жемчугом¹¹.

⁸ См. стихотворения «Моей матери» («Бе мадерам») и «Памяти матери» («Бе йаде мадер») в сб. «Голхайе ходру», стр. 22.

⁹ «Голхайе ходру», стр. 35.

¹⁰ Там же, стр. 24.

¹¹ Там же.

Это уже явные общественные мотивы, протест против общества, которое закрепощает женщину и внешне (заставляя ее носить чадру) и внутренне. Этот протест был направлен пока лишь против одного проявления социального зла. Но в этом же сборнике были и стихотворения, свидетельствующие о том, что их автор задумывается над более широкими проблемами жизни страны.

فکری بحال خویش کن ای قوم رنجبر
کان کس که پشت میزنشسته ستمگر است

О, угнетенный народ, задумайся над своей судьбой,
Тот, кто держит бразды,— тиран¹².

Во многих ранних стихотворениях Жале, в их образах, композиции, в ритмике чувствуется влияние традиционной поэтической школы. Приведем несколько примеров.

В стихотворении «Снег» («Барф») Жале сравнивает картину падающего снега со «слезами любви, которые льет небо», там же мы встречаем и такое сравнение:

برف بارید یا فرشته صلح
بال سیمین بروی باغ کشید

Снег пошел? Или ангел мира
Простер над садом свои серебряные крылья?¹³

В стихотворении «К моей матери» поэтесса использует прием обращений со множеством эпитетов. Все стихотворение — это по существу целая цепь образных обращений, выдержанных в стиле традиционной поэтики.

ای مادر عزیز من ای غمگسار من
ای اختر سعادت من وی بهار من
محبوب من فرشته من آرزوی من
بستان من شکوفه من لاله زار من
ای آنکه از فراق تو عمرم تباه شد
برخیز و بین چگونه بود روزگار من

¹² Там же, стр. 7.

¹³ Там же, стр. 15.

О дорогая мама моя, о утешение мое,
О звезда моего счастья, о весна моя,
Любимая моя, ангел. желанная моя.
Ты мой сад, цветок мой, мой цветник тюльпанов.
О ты, от разлуки с которой загублена моя жизнь,
Встань, взгляни, как проходят мои дни¹⁴.

Почти во всех стихотворениях Жале придерживается традиционной касыдно-газельной рифмы (ав сб), почти всюду имеется редиф. Однако даже и в этих первых, во многом подражательных, стихах уже заметны оригинальные черты дарования автора. Прост и безыскусствен язык Жале, ей чужды громоздкие и сложные фразы, напыщенный и цветистый стиль. В ее произведениях звучат порой интонации простой разговорной речи и даже прозаизмы:

آن شنیدم که باز در تهران
گفته‌گو از حجاب زن باشد
عده‌ای از رجال می‌خواهند
زن دگر باره پر محن باشد
مدعی کیست این چه غوغائی است
که طرفدار این سخن باشد
کی چنین گفت مذهب اسلام
که زن زنده در کفن باشد

Я слышала, что в Тегеране толкуют о чадре,
Находятся люди, которые хотят, чтоб женщина
все еще страдала.

Кто требует этого? Что за шумиха?
Кто сторонник этих речей?

Разве говорится в исламе, что женщина
должна жить в саване?¹⁵

* * *

С 1945 г. для Жале начался новый этап жизни. Она переезжает в Тегеран, становится активисткой прогрессивных женских организаций, приобщается к деятельности Народной партии. Участие в работе I конгресса

¹⁴ Там же, стр. 22.

¹⁵ Там же.

иранских писателей, преподавательская работа в Тебризе — все это целиком захватывает Жале. Новые идеи, образы, чувства проникают в ее поэзию. Программным для этого времени можно считать стихотворение «Иран», в котором поэтесса широким взглядом окидывает всю страну, ее города, ее людей.

Мое сердце разбито от вида развалин Ирана,
Зрелище этой страны зажигает огнем мою душу¹⁶.

В Кермане голодные бредут к бойням, там они сливают с туш животных кровь, которую вынуждены пить, чтобы не умереть с голоду. В Исфагане бедняки живут в кладбищенских склепах или роют себе норы в земле. В Абадане дети едят хлеб, выпеченный из косточек хурмы. «И это в таком месте, где наше черное золото день и ночь, как поток воды, течет за границу! — восклицает поэтесса. — И хотя Хузистан это центр нефти, в темной хижине бедняка нет даже керосиновой коптилки». Заканчивается это произведение полным веры в будущее призывом, обращенным к своему народу:

Иранец, рук не опускай,
Взгляни, мой брат, туда,
Где благородный твой сосед
Свободен навсегда.
Пусть ты узнал печаль и гнев,
Неправоту и гнет,
Но к старой родине твоей
Вновь молодость придет¹⁷.

К 1945 г. относится и стихотворение «Послание к заключенным офицерам», которое появилось в газете «Рахбар». Предыстория его такова. В 1945 г. группа демократически настроенных офицеров иранской армии была арестована за принадлежность к Народной партии и за свою активную общественную деятельность. В числе арестованных был и муж Жале, приговоренный к одиннадцати месяцам тюрьмы. К мужу и его товарищам обращается Жале в своем «Послании» и, ободряя их, призывает остаться верными своим идеям.

¹⁶ Цит. по рукописи.

¹⁷ Отрывок из стих. «Иран» в переводе А. Плавника. См. сб. «Поэты Южного Азербайджана», стр. 142.

Офицеры, не отчаивайтесь оттого, что вы в тюрьме.
Не жалейте о сделанном вами.
Цепями не покорить храбрых.
Вы смелые, не впадайте в отчаяние!
Скала не дрожит и не дряхлеет от ветра,
Вы, как твердая скала, не дрогнете от невзгод¹⁸.

Интересно также стихотворение «Встреча двух поэтов» («Дидаре до шаэр»), написанное Жале под впечатлением встречи на I конгрессе иранских писателей с советской поэтессой Верой Инбер. Встреча с известной советской поэтессой — большое и радостное событие для Жале. Она рассказывает о душевном перевооружении, происшедшем в ней, о том, как она нашла наконец свой настоящий путь.

Несчастья народа Ирана,
Притеснения правителей и бедствия
Бросили огонь в мою душу и сердце,
Я тоже в возмущении, как и мой Иран!¹⁹

Эти несколько стихотворений дают представление о творчестве Жале после 1945 г. Поэтесса вступила в пору идейной и творческой зрелости — ее сердце сжимается от боли за свой народ, она живет его делами, мыслями и мечтами о его счастье. Гражданственность, патриотические чувства пронизывают ее произведения этих лет. Изменился и стиль Жале. Исчезает нарочитая традиционность образов и выражений, постепенно исчезают некоторые трафаретные сравнения и эпитеты. В ее поэзию все чаще вторгаются приметы реальной жизни и образы, навеянные происходящим вокруг. Так, в стихотворении «Иран» Жале противопоставляет традиционное поэтическое сравнение «Шираз — город роз» лицам людей, сморщенным и желтым, от голода и непосильного труда похожим на увядшие листья.

به شهر پر گل شیراز رفتیم و دیدم
زرنج چهره مردم بود چو برگ خزان
زسرزمین طرب چین سعدی و حافظ
بجای نغمه بلند است ناله و فغان

¹⁸ Цит. по рукописи.

¹⁹ Цит. по рукописи.

Отправилась в город роз Шираз и увидела:
От лишений лица людей, как осенние листья,
С радостной земли Саади и Хафиза
Вместо песен поднимаются плач и стенанье²⁰.

* * *

Новой вехой в творчестве Жале стали годы жизни в Советском Союзе, где поэтесса завершает свое образование, где она близко знакомится с жизнью советских людей. Свидетельством продолжающегося идейного развития и художественного совершенствования может служить стихотворение «Искусство» («Хонар»), которое является своего рода эстетическим манифестом Жале.

Искусство — зеркало общества,
Прошли времена лозунга «Искусство для искусства».
Одаренным поэтам имя дарит народ.
Ведь народ — это источник поэзии и вдохновенья,
Среди людей поэту легче найти свой путь.
*Разве есть у поэзии лучшая тема, чем человек?*²¹.

Резко и определенно прозвучала в этом стихотворении и оценка омертвевшей подражательной поэзии.

К чему песня о розе и соловье
Народу, вовсе лишенному цветов?
Какой смысл в цветнике, полном роз,
Если ни одна из этих роз
не служит украшением обездоленных?²²

В эти годы лирика Жале все более и более проникается публицистичностью. Поэтесса поглощена бурными политическими событиями, происходящими во всем мире, и они находят отклик в ее произведениях, пронизанных тревогой за судьбы людей, за будущее страдающего и угнетенного «маленького человека» капиталистического мира.

Интересно в этом плане стихотворение «Дороти»²³. Поводом к его созданию послужила заметка из американской газеты о том, что в одном из городов мать двоих детей, чтобы прокормить их, решает по объявлению

²⁰ Цит. по рукописи.

²¹ Цит. по рукописи.

²² Цит. по рукописи.

²³ Сб. «Модарон сулх мелоханд», 1956, стр. 37, 38.

нию продать свои глаза за десять тысяч долларов. Этот чудовищный факт, рождающий гнев и возмущение каждого честного человека, лег в основу стихотворения «Дороти», написанного кратко и лаконично, почти как газетное сообщение.

دورتي آن زن امريكائي
زن زخمتكشي جوينده كار
مادر هنري و جك
انكه در جستجوی لقمه نان
بلبش آمده جان...
خط ياقوتي علامی را
خواند با دقت و رویش بشكفت
چشمش از شوق در خشان شدو گفت:
"آه آزاده شدم ازغم ورنج
دارم امروز دو گنج
دو درياچه — دو چشم
بفروشم بده هزار دلار..."

Дороти — американская женщина,
Женщина-труженица, ищущая работы,
Мать Генри и Джека,
Та, у которой от поисков куска хлеба
Душа едва теплится в теле...
...Рубиновые буквы объявления
Прочла внимательно, лицо ее расцвело
в восхищении, и сказала:
— О, наконец-то освобожусь я от горя и забот,
У меня есть две драгоценности,
Два озера — два глаза
Продам за десять тысяч долларов...

На смену первой вспышке радости приходит холодный ужас, возмущение, и Дороти кричит:

Эй, покупатель моих глаз,
Эй, ты, торговец,
Глаза не продаются, ведь они светоч человека...²⁴

²⁴ Там же.

Но перед ее взглядом встают голодные лица детей, и, подавив отчаяние, Дороти решается на страшную сделку. Этот рассказ завершается авторской ремаркой, как бы поднимающей описанный факт и придающей ему большое политическое звучание:

Разве удивительно, Дороти ослепнет,
Летучие мыши в Белом доме боятся света ²⁵.

Политическая острота и зоркость взгляда ощущается и в стихотворении «Корейская Зоя» («Зояйе коре»), написанном в 1952 г. в разгар войны в Корее и посвященном героическому подвигу корейской партизанки Пе Ок Жи.

С болью и волнением следила поэтесса за мужественной борьбой иранского народа в период 1951—1953 гг., и эти чувства нашли отражение в стихотворении «Иранская нефть» («Нафте Иран»).

Большое место в творчестве Жале занимает тема борьбы за мир. Стихотворение «Голубь мира» («Кабутаре солх») — это победный гимн миру, проникнутый уверенностью в том, что дело мира преодолеет все преграды на своем пути. Символ мира у Жале — белый голубь, парящий высоко в небе.

Раскрой крылья, о голубь мира,
И лети на простор,
Пробейся сквозь облака огня,
Пройди сквозь молнии бурь ²⁶.

Борьбе за мир посвящено также стихотворение «Матери хотят мира» («Мадеран солх михаханд»). Если «Голубь мира» написан патетически, приподнято, то «Матери хотят мира» звучит как лирическое излияние матери, обращенное к ребенку.

Твое лицо — это светлое зеркало
Моего детства и молодости.
Свое дорогое прошедшее
Я вижу на твоём лице.
Сквозь озера твоих глаз я вижу
Будущее, полное счастья...
Когда твои маленькие руки

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по рукописи.

Кольцом охватывают мою шею,
Мне кажется, будто я держу весь мир в объятиях.
Я вся трепещу от любви к тебе.
О мать, какая жертва невозможна
Ради сына!
О мать, душу, сердце, жизнь
Ты отдаешь сыну...²⁷

Таким образом начало пятидесятых годов в творчестве Жале отмечено возросшей гражданственностью; в ее поэзии ведущее место занимает теперь политическая лирика. Она неизменно откликается на острые политические проблемы: война в Корее, движение сторонников мира, борьба иранского народа за национализацию нефтяных богатств своей страны. Стихи эти, представляющие органический сплав лирики и публицистики, заключают в себе яркие приметы времени, проявившиеся не только в злободневности тематики стихотворений и их прямой связи с острой политической борьбой, но и в их поэтическом ракурсе, в манере художественного раскрытия содержания. Большая свобода в выборе размеров, использование свободного стиха, проникновение в поэтический словарь Жале газетной и разговорной лексики — таково то новое, что появилось в ее произведениях этих лет. Яркий пример — стихотворение «Дороги», написанное свободным размером, без рифмы, в котором композиция подчинила себе и законы поэтики: каждая строфа — отдельный, логически законченный абзац, заключающий в себе определенную мысль автора и знаменующий новую сюжетную ступень. Все стихотворение — это как бы поэтически оформленная газетная заметка; автор подчеркнул эту газетность и самым построением стихотворения по абзацам и своеобразной лексикой²⁸.

Связь с политической и общественной жизнью, отклик на самые острые вопросы современности продолжают оставаться характерной чертой творчества Жале и в наши дни. Однако характер этих откликов поэтессы несколько изменился в последние годы. Жале создает лирические, как бы «обращенные в себя» стихотворения-воспоминания, раскрывающие мир любви, мир тонких

²⁷ «Модарон слух мехоханд», стр. 26.

²⁸ См. настоящее издание, стр. 41.

душевных движений. В таком плане написаны «Ушел» («Рафти») и «Мираж» («Сараб»).

Ты ли это, ты ли предо мной
Иль сверкающее солнце предо мной?
Я ли это, я ли пред тобой
Иль колеблющийся образ пред тобой?
Оба говорим, и оба мы молчим.
Что это — догадка, сказка или сон?
Отблески багровые опьяненных глаз
Или кубок синий с пламенным вином?..²⁹

Глубокое раздумье все чаще и чаще появляется в стихах Жале последних лет. Широкий полет фантазии, романтический подъем, обобщенное восприятие жизни особенно естественно прозвучали в стихотворении «Мгновенье» («Йек лахзе»).

ای پرنده تیز پر زمان
آرزو دارم پاهای ترا
پاهای ظریف و زیبای ترا
بایک ابریشم افسانه آمیز
محکم بیندم
و آن دو بال اشوبگرت را
که یکی سپیدویکی سیاه است
بگیروم در دست
تا بتوانم یک لحظه بیشتر
بگیرم نیرو
از عشق زندگی. نبرد آرزو
ای پرنده تیز پر زمان
تودر آن گردش تندجاویدان
مارا نشانی روی بالهایت
تنهایک لحظه
لحظه ای پرشور
و بتازی پیش
شتابان مغرور

²⁹ Цит. по рукописи.

در آسمانهای نیلوفری رنگ.
فراز دشت های پرگل وزیبا
روی زمین در بین انسانها.
و دائم مارا نمائی آشنا
بانگاهی گرم با عشقی سوزان
بامهر فرزندی با نور خورشید
با لذت بارنج با رزم با امید.

О быстрокрылая птица времени,
Мечтаю о том, чтобы твои ноги,
Твои тонкие и прекрасные ноги
Волшебным шелком
Крепко связать.
И два эти мятежные крыла,
Из которых одно черно, а другое бело,
Взять в свои руки,
Чтобы суметь хоть на одно мгновение
Набраться силы,
Любви, жизни, борьбы и желаний.
О быстрокрылая птица времени,
Ты в своем быстром вечном полете
Посадишь нас на свои крылья
Только на мгновение
И помчишься вперед
Быстро, гордо
В голубом небе,
Над цветущими и красивыми лугами,
Над землей, среди людей
И всегда будешь знакомить нас
С горячими взглядами, с жгучей любовью,
С лаской ребенка, со светом солнца,
С наслаждением, с трудом, с борьбой, с надеждой³⁰.

В поэзии Жале появляются символическая птица времени («Мгновение»), фантастический образ человека, сиющегося найти себя («Кто тот человек?»), одинокая мечущаяся птица («Потерянный орел»). Все эти символические картины и фантастические образы рождены размышлениями поэтессы над нелегкой судьбой ее родины и народа, страдающего, борющегося за свое будущее.

О ты, заснувший темной ночью, солнце взошло.
Вставай,
Лжецы много пели нам

³⁰ Цит. по рукописи.

Колыбельных песен,
Обещали показать золотой сон.
Рассказывали много сладких сказок,
Чтобы усыпить нас
Крепким смертельным сном.
Но ночь прошла, и появился вестник рассвета,
Сон исчез, и сказка кончилась.
Вставай, ведь сегодня целый мир проснулся.
Вставай...!³¹

(«Вставай»)

Это обращение Жале к иранскому народу, к его молодому поколению, в силы которого верит поэтесса и которое она хочет видеть пробужденным к жизни и свободным. Весьма примечательно, что стихотворение «Вставай» заключает в себе и элемент полемики: оно может быть воспринято как ответ на стихотворение М. Омида «Конец Шахнаме»³².

И там и тут символические образы людей, скованных тяжелым сном, усыпленных сладкими сказками лжецов, и там и тут гневный голос поэта звучит в полную силу, однако у М. Омида преобладают интонации горечи и скептицизма — поэт как бы боится поверить в людей, в их способность «стряхнуть с себя оковы сна», тогда как в стихотворении Жале лейтмотив — вера в человека, в его волю, прямое утверждение активного начала.

Последние стихотворения Жале своеобразны и по своей поэтике. Все они написаны в свободной манере, образное построение мысли подчинило себе композицию, ритм стихотворений.

Особенности творчества Жале, те изменения, которые оно претерпело, в определенной степени характерны для творческого пути многих персидских поэтов за последние двадцать лет: от подражательных стихов кануна войны — к политической, злободневной поэзии, рожденной в разгар военных лет, в период подъема национально-освободительного движения и, наконец, к лирике последних лет, пронизанной верой в жизнь, в свой народ, окрашенной романтической символикой.

³¹ Цит. по рукописи.

³² Анализ стихотворения М. Омида «Конец шахнаме» см. в настоящем издании, в разделе, посвященном его творчеству.